

из учреждений Академии наук» по снабжению подобных зарубежных справочников точными материалами. Это обстоятельство, по мнению Вальдена, будет способствовать «престижу русской науки и русских ученых сил» [с. 140], как и сформулированная им «программа» академической мобильности, когда известные русские ученые командированы за рубеж для чтения лекций; ассистенты, лаборанты, приват-доценты направляются за границу для ознакомления и изучения методов преподавания, организации лабораторной жизни; университетские стипендиаты посылаются к иностранным специалистам для производства научных исследований [с. 139].

На исключительное значение зарубежных командировок для молодых исследователей указывает историк Н. И. Кареев. Появление зрелых работ по новой истории зарубежных стран он связывает не только с либеральной университетской реформой Александра II, но и с облегчением выезда за рубеж с научными целями. Однако изданные на русском языке труды русских историков оказывались малоизвестны там, где могли быть особенно интересны [с. 689]. В этой связи авторы сборника подчеркивают необходимость интенсивной переводческой работы, как на русский, так и с русского языка. Впрочем, переводы не заставили себя долго ждать, французские историки заговорили о существовании исторической «русской школы» [с. 699] — свидетельство международного академического признания.

Понятие «научной школы» не раз встречается в очерках «Русская наука». Физик П. П. Лазарев, академик АН с 1917 г., пишет о существовании «блестящей петербургской физико-математической школы» [с. 487]. Авторы очерков в той или иной мере касаются причин, способствующих рождению научных школ. Наличие научного лидера — важный момент, но не исчерпывающий. Как замечает математик, проф. А. В. Васильев, «такой учитель и ученый, как он [Л. Эйлер], в другое время и в другой стране должен был оставить после себя многочисленную школу. Россия XVIII века была, конечно, неблагоприятною почвою» [с. 400]. П. П. Лазарев соотносит достаточно позднее появление русской экспериментальной физической школы с неблагоприятными условиями исследовательской работы, прежде всего с плохой оснащенностью лабораторий. Учреждение физических институтов при университетах в конце XIX в. меняет только отчасти положение дел: их сотрудники были слишком перегружены учебной работой и не могли заниматься исследованиями в течение года. Экспериментальная физическая школа стала складываться тогда, когда появились физические институты, «где ученые, стоящие во главе учреждений, были совершенно избавлены от педагогической работы, и единственной их обязанностью являлось ведение собственных научных работ и руководство исследованиями начинающих ученых» [с. 488]. Таким образом, исследовательским школам способствует сцепление определенных факторов: научный лидер, подготовленные ученики, стандартно оборудованные лаборатории.

Очевидно, что очерки, задуманные 100 лет назад и соединенные в одно целое редакторами-составителями, имеют не только исторический интерес. Они содержат актуальные ответы на вопросы об эффективности университетов и академических институтов, об условиях продуктивного научного трансфера, о результативности международного сотрудничества, составляющие повестку дня современной научной политики. Это обстоятельство — удивительное созвучие нашему времени — делает книгу «Судьба проекта “Русская наука”. 1916–1920» невероятно современной, и хочется надеяться, что она будет востребована не только учеными, но и политиками, от которых зависит принятие решений о научном развитии страны.

IN MEMORIAM

Югослав Райкович

Год назад, 15 января 2016 г. ушел из жизни наш друг — Югослав Райкович.

О некоторых значимых эпизодах из жизни Югослава Райковича важно сказать, чтобы понять личность этого очень интересного, замечательного человека. Уже во время Второй мировой войны Югослав — мальчик, которому только что пошел десятый год жизни, стал партизанским разведчиком-наблюдателем. Он жил со своей семьей на юге Сербии, которая находилась под болгарской оккупацией. Его задача состояла в том, чтобы наблюдать за болгарскими оккупационными войсками, следить за движением в болгарском военном лагере. Возможно, эта ранняя деятельность оказала решающее влияние на его с юности «левую» политическую ориентацию. К тому же и его мать была коммунистом с довоенных времен. У него сформировалось представление о жизни, в котором социальная справедливость играет важную роль. Когда он стал взрослым человеком, у которого был доход, Югослав свои ранние социальные взгляды превратил в конкретные действия филантропа, помогавшего тем, кто попал в беду, а он мог им помочь. Это он делал и личной активностью и за счет собственных материальных средств, помогая социально незащищенным людям бороться за свое «место под солнцем».

После окончания средней школы он уехал в Белград, где поступил на факультет философии. Он был студентом известного профессора философского факультета в Белграде, Богдана Шешича. После окончания факультета Югослав хотел продолжить обучение и сделать научную карьеру. Он уехал во Францию, где у Жоржа Фридмана изучал социологию труда. Тогда это была «молодая» научная отрасль, Фридман был марксистом и близок Коммунистической партии Франции. Он, вероятно, был рад принять студентов из социалистических стран, которых в это время было не так много. В конце пятидесятых годов прошлого века (или в начале шестидесятых годов) парижане еще не испытали сильную волну экономической иммиграции, которая затем последует, они радушно относились к незнакомцам и были счастливы помочь им найти свой путь в новом мире. Югослав имел возможность встречаться с Ж.-П. Сартром и А. Камю, которые свободно гуляли по Парижу и иногда разговаривали со студентами, знатоками их литературы. Югослав с удовольствием вспоминал о своих парижских днях, встречах и лекциях известных учителей — Ж. Фридмана, Р. Арона, Л. Альтюссера и многих других. Позже, уже как проректор Белградского университета, Югослав принимал многих из этих знаменитых французов в своем доме, когда они посещали Белград.

Какова была причина того, что Югослав не продолжил учебу в Париже, трудно точно сказать, но вполне вероятно, что в то время он завел семью. Он вернулся в Белград. Его трудовая жизнь была связана с ректоратом Белградского университета, где он решал задачи, связанные с развитием науки и международных связей. Но он никогда не прекращал личного развития — имел несколько профессиональных поездок за рубеж, был в Польше, где специализировался в социологии науки. В этой области он немало сделал, особенно находясь в России, где работал много лет в Ленинграде.

Работая в Белградском университете, отвечая за вопросы, связанные с развитием науки, он старался улучшить сербские науки, как естественные, так и социальные. Имея теоретические знания в социологии труда и социологии науки, он вместе с профессором социологии Куколечем и группой профессоров Белградского университета выступил с инициативой — открыть факультет организационных наук в Сербии (сегодня очень престижный факультет). В то время было не так просто преодолеть консерватизм академической среды. Но Югослав понял, что характер работы резко меняется с прогрессом науки и техники и что им нужны новые специалисты, которые смогут управлять и организовывать работу в новых условиях. Открытый колледж был предшественником сегодняшнего факультета, связанного с менеджментом и информатикой. Югослав любил подчеркнуть свою роль в этом деле — открыть новый факультет и способствовать улучшению научного и экономического потенциала своей страны — в конце концов, это не мелочь.

С полным правом можно сказать, что Югослав был студентом двух школ — французской и русской. Эти два языка он очень хорошо знал, говорил также по-польски. К тому же можно прибавить и немецкий и английский языки.

Все свои зрелые годы, до конца жизни, Югослав Райкович посвятил вопросам сотрудничества Сербии с Россией. Все, кто его знали, могут подтвердить, с какими усилиями и любовью он это делал. Его деятельность проходила в разных направлениях. Он старался укрепить не только научное сотрудничество с русскими, но и стремился распространить это сотрудничество на все области культуры, экономики и другие сферы общественной жизни, способствовал улучшению изучения

русского языка в сербских школах. Следует отметить, что, если это было необходимо, Югослав за счет собственных средств помогал всем, кому нужно было помочь уехать в Россию (особенно больным), помогал русским в их приезде и пребывании в Сербии.

Что же касается его личного участия в науке, то он долгое время был постоянным участником семинаров и преподавателем Института естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН и Международной школы социологии науки и техники, действовавшей при институте, в Санкт-Петербурге. В этом институте он много лет занимался изучением социологических наук вместе с Кугелем Самуилом Ароновичем, который приглашал Югослава в Петербург для участия в работе регулярных ежегодных конференций, а также для чтения лекций. Югослав с радостью принимал приглашения, что потом переросло в личную дружбу этих двух ученых. Кугель умер в 2015 г. в возрасте девяноста лет, Югослав ушел в январе 2016 г., на семьдесят пятом году жизни.

Югослав часто путешествовал по России. Он побывал во многих городах и принимал участие в многочисленных конференциях, где постоянно устанавливал контакты с российскими учеными. Благодаря его усилиям, многие из них посетили Сербию, делясь своими знаниями и опытом с сербскими коллегами. Югослав покупал много книг и привозил их в Белград. Он делал это не для себя и не только в тех областях, которые интересовали его лично, многие книги были из области медицины или технологии. Эти книги он дарил сербской Национальной библиотеке или библиотеке Университета. В то время, время «без Интернета», мы все знаем, как важны были книги как сокровища знаний.

Мало кто знает, кроме тех, которым Югослав уступал свои «карточки», сколько времени он провел в российских библиотеках, выписывая на них библиографические данные книг из областей, которые интересовали не только его лично. Он имел сотни таких полезных «карточек», которые исписывал собственной рукой (у него был очень красивый почерк), а иначе это было невозможно сделать. Когда в последние несколько лет многое из того, что он сделал, стало доступно в Интернете, его усилия оказались лишними. Он говорил: «Что делать, если могли бы предсказать будущее!», но это свидетельство невероятной энергии Югослава и его приверженности к знаниям и науке.

Югослав активно сотрудничал в обществе сербско-русской дружбы в Сербии. Он был председателем общества, и в своей манере «человека в тени» способствовал тому, что общество вносило значительный вклад в развитие отношений между нашими двумя народами, России и Сербии. Может быть, не будет преувеличением сказать, что «Русский дом» в Белграде был вторым домом Югослава. Он не пропустил в нем почти что ни одного мероприятия.

Многим преподавателям русского языка в сербских школах хорошо известно, что Югослав, несмотря на то, что не был преподавателем в школе, принимал активное участие в работе сербских преподавателей русского языка. Он всегда стремился закрепить положение русского языка в сербских школах, а также улучшить статус сербских преподавателей и профессоров, которые преподавали этот язык. Он не раз по этому поводу посещал Министерство, посылал письма на разные адреса.

Он тяжело переживал появление антироссийских настроений среди «тонкого» слоя интеллигентов и сербских политиков, которые правили Сербией некоторое время назад. Результатом этого правления стало переименование улиц, которые

носили имена русских героев и достойных граждан. Югослав об этом много писал в газетах, писал политикам и отправлял материалы на имя нынешнего министра иностранных дел. Его усилия принесли свои плоды, хотя он был не совсем удовлетворен. Недавно власть сделала некоторые исправления этой коварной и аморальной методы — были возвращены названия некоторых улиц, другим улицам дали русские названия.

Так как Югослав не был человеком, который стремился к собственному продвижению, то он не получил за свою деятельность в области русско-сербского сотрудничества никакого специального признания ни нашего, ни российского государства. Его огромные усилия по распространению культурных, научных и других связей не были должным образом признаны. Мы, живущие в трудное для сербско-русских отношений время, хорошо знаем о вкладе профессора Югослава Райковича в это дело. Иногда в своей юмористической манере Югослав говорил: «Жаль, что не получил от русских самый низкий орден, оловянный».

Югослав Райкович был женат. У него было двое детей: Владимир и Нева. Его вторая супруга, Миляна, учитель русского языка, скончалась через 30 дней после ухода Югослава из этого мира.

Что на самом деле случилось в тот январский вечер, когда он покинул нас, для всех останется загадкой. Мы гордимся тем, что у нас был такой друг, как Югослав Райкович. И Россия должна знать, что потеряла одного из ряда самых искренних почитателей и деятелей, который всю свою жизнь посвятил укреплению сербско-русских отношений и связей. Царство небесное ему.

Мирослав Иванович,
кандидат философских наук;

Белград, Сербия;

Йован Бабич,

профессор этики;

Белград, Сербия;

Гордана Наумович,

магистр русского языка и литературы;

Белград, Сербия

Информация для авторов и требования к рукописям статей, поступающим в журнал «Социология науки и технологий»

Социология науки и технологий Sociology of Science and Technology

Журнал *Социология науки и технологий* (СНиТ) представляет собой специализированное научное издание.

Журнал создан по инициативе Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова Российской академии наук (СПбФ ИИЕТ РАН) в 2009 г. и издается под научным руководством Института.

Учредитель и издатель: Издательство «Нестор-История».

Периодичность выхода — 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС77–36186 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия 7 мая 2009 г.

Журнал имеет международный номер ISSN 2079–0910 (Print), ISSN 2414–9225 (Online). Входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК (по специальностям 07.00.00 — исторические науки и археология; 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 — философские науки). Включен в российский индекс научного цитирования (РИНЦ), в европейский индекс журналов по общественным и гуманитарным наукам ERIH-PLUS.

Журнал публикует оригинальные статьи на русском и английском языках по следующим направлениям: наука и общество; научно-техническая и инновационная политика; социальные проблемы науки и технологий; социология академического мира; коммуникации в науке; история социологии науки; исследования науки и техники (STS) и др.

Публикации в журнале являются бесплатными для авторов. Гонорары за статьи не выплачиваются.

Требования к статьям

Направляемые в журнал рукописи статей следует оформлять в соответствии со следующими правилами (требования к оформлению размещены в разделе «Для авторов» на сайте журнала <http://sst.nw.ru/>):

1. Рукопись может быть представлена на русском и английском языках.
2. Рекомендуемый объем рукописи — до 40 000 знаков (включая — на русском и английском языках — название, аннотацию, ключевые слова, авторскую справку и список литературы). Текст предоставляется в форматах: .doc, .docx, .odt. Шрифт — Times New Roman, 12 кегль, интервал 1,5. Поля: слева — 3 см, сверху и снизу — 2 см, справа 1,5 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ — 1 см.
3. Материалы для разделов «Рецензии», «Хроника научной жизни» и др. не должны превышать 10 000 знаков.
4. Автору необходимо представить:
 - а. Название статьи, аннотацию (на русском языке — в пределах 150 слов, на английском — от 250 до 300 слов). Машинный перевод категорически запрещен. Требования к аннотации — в разделе «Для авторов» на сайте журнала.